

Духовно-нравственное воспитание в эпоху зарождения отечественной педагогической науки (сер. XIX в.)

Spiritual and moral upbringing in the epoch of the birth of russian pedagogical science (middle of the 19th century)

УДК 37.00

DOI: 10.12737/2500-3305-2024-9-4-34-41

Токмачева М.А.

Канд. пед. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Луганского государственного педагогического университета

Tokmacheva M.A.

candidate of pedagogic sciences, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology of the Lugansk State Pedagogical University

Аннотация

Пробудившаяся в XIX в. национально-религиозная идея, связанная с победой над Наполеоном и научно-педагогическая мысль о национальных основах воспитания, родоначальником которой признан К.Д. Ушинский, утвердила новые целеустановки, на которые ориентировалось общественное и семейное воспитание. О необходимости возвращения к традиционным ценностям и христианским идеалам в воспитании заявляют Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий и др. Начиная с эпохи Николая I основной целью воспитательного процесса становится подготовка достойных сынов Отечества, самоотверженных и преданных своим вере, Отечеству, народу. Все большую популярность приобретают труды русских мыслителей. Этот период включает вторую и третью четверти XIX в. и отмечен глобальными государственными реформами, повлекшими за собой серьезные перемены в образовании и воспитании.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, зарождение отечественной педагогической науки.

Abstract

The national-religious idea that emerged in the XIXth century in connection with the victory over Napoleon and the scientific-pedagogical thought about national foundations of education, the progenitor of which was K.D. Ushinsky, affirmed new guidelines for public and family upbringing. N.I. Pirogov, K.D. Ushinsky, P.D. Yurkevich, S.S. Gogotsky, etc. talk about the need to return to traditional values and Christian ideals in education. Beginning with the era of Nicholas I the main objective of the educational process becomes the preparation of worthy sons of the Fatherland, selfless and dedicated to their faith, homeland, and people. The works of Russian thinkers became increasingly popular. This period includes the second and third quarter of the XIXth century and is marked by global state reforms that entailed major changes in education and upbringing.

Keywords: spiritual and moral education, the birth of domestic pedagogical science.

На современном этапе развития российского общества, когда сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей являются задачей государственной политики

Российской Федерации, изучение опыта наших предков в формировании духовно-нравственных качеств молодежи приобретает особую актуальность, тем более, что российское общество XIX в. обратилось к своим духовным традициям после столетнего господства западной гуманистической идеологии. Особенно значимым, на наш взгляд, для современной теории образования является изучение вариантов сосуществования двух мировоззренческих парадигм, двух цивилизаций: западной либеральной, выросшей на почве внерелигиозного гуманизма, и русской традиционной, имеющей древние христианские корни.

Отечественная война 1812 г. стала поворотным пунктом в духовной жизни русского народа всех сословий, оказала сильное влияние на его сплочение и способствовала возвращению к традиционным ценностям. По замечанию Ю.М. Лотмана, Наполеон положил конец оптимистическим надеждам на эпоху Просвещения [11, с. 13], что способствовало старту нового культурно-исторического этапа. Эксперты в области истории педагогики С.В. Акулов, А.А. Андреев, А.В. Бабаян, Н.В. Рада, Н.Б. Ромаева считают, что отправной точкой зарождения отечественных научных идей, теорий и концепций в сфере образования является именно начало XIX в., отмеченное пробуждением общественного самосознания. Со второй четверти столетия наблюдается более активный отход от западно-гуманистических идей. Современные исследователи в области культуры (М.А. Зиминая, О.В. Мамонова, Е.Е. Приказчикова, Т.Л. Шумкова) также утверждают, что именно к середине XIX в. в результате Отечественной войны 1812 г. активизируется отечественная нравственно-философская мысль, охватывающая многие онтологические сферы.

Восстание декабристов также стало серьезным поводом для пересмотра воспитательных идеалов. Сложные условия, вызванные вооруженным мятежом, заставили недавно вступившего на престол императора Николая I поднять вопрос о духовно-нравственном воспитании подрастающих поколений. Государь полагал, что вольнодумство и своеволие появилось не на пустом месте, но являлось следствием неправильного воспитания детей и молодежи. Высочайший Манифест, оглашавший приговор мятежникам, содержал императивный послыл: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей» и призыв к «усовершенствованию отечественного, природного, нечужеземного воспитания» [5, с. 773]. При этом император возлагал надежды на то, что дворянское сословие, которое он называл «оградой Престола и чести народной», подаст пример достойного воспитания подрастающих поколений в национально-традиционном духе.

Министерство народного просвещения также было озадачено разработать новую воспитательную систему, которая бы, не отрицая достижений европейских ученых, была переориентирована на возрождение национальной и религиозной самоидентичности. В рескрипте, адресованном министру народного просвещения А.С. Шишкову, государь предписывал наряду с необходимыми знаниями передавать обучающимся понятия «о Вере, законах и нравственности» [6, с. 71–72], т.е. следовать путем «обучающего воспитания».

«Увязку» европейской цивилизации с русской народной культурой министр народного просвещения С.С. Уваров назвал «жизненно важным вопросом» по значимости и «искусством» по сложности исполнения, поскольку цивилизационные процессы, захватывающие общество, по его мнению, подчиняют себе человека своими благами, но в то же время порождают «всеобщее разрушение» [19, с. 96–100].

Николай I настаивал на необходимости устройства общества по принципам патриархальной семьи, в которой отец, глава семейства, представляет собой образ самодержца, мать – его ближайшей помощницы, а дети – народа. Идеологическое воплощение этой строгой иерархии вобрала в себя формула «Православие. Самодержавие. Народность», предложенная Уваровым. Именно она легла в основу «Теории официальной народности» и стала русским ответом на европейские «Свобода! Равенство! Братство!».

Мнение императора о том, что духовно-нравственное воспитание должно опережать обучение, было поддержано и А.С. Пушкиным. В «Записке о народном воспитании» он прямо об этом заявил: «нравственность... предпочесть должно просвещению» [16, с. 462], и даже

влияние иностранной идеологии поэт считает не столь пагубным явлением, сколько отсутствие воспитания.

К середине XIX в., таким образом, нравственные идеалы воспитания начинают активно постулироваться в российском обществе, прославляются национальные герои (например, Иван Сусанин в опере М.И. Глинки).

Николай I как многодетный отец и дед постарался внедрить новую национально-ориентированную педагогику, прежде всего, в собственном семействе: будучи «русским по крови» лишь на 1/32, он всегда подчеркивал свою «русскость», разговаривал по-русски даже с женщинами, что при дворе той эпохи было немыслимым и контрастировало с устоями образованного русского общества, пронизанного европейской культурой. Общавшиеся с государем современники видели в нем исключительно русского по духу монарха и даже считали самым православным государем со времен Федора Алексеевича [8, с. 357]. Государь живо интересовался творчеством славянофилов: с удовольствием читал Хомякова – и «остался довольным» [2, с. 292]. Митрополит Платон сравнивал Николая Первого с Петром Великим, однако ставил его выше, поскольку для Николая «неизмеримо дороже были Православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра» [4, с. 8]. Осознавая, что Россией можно управлять только будучи русским, Николай Александрович, в отличие от своего предка-реформатора, всячески культивировал в себе и своих детях национальную идентичность.

Итак, к середине XIX в. в российском социуме ценности эпохи Просвещения уступают место чувству гражданственности, патриотизма, традиционным духовно-нравственным идеалам. Это находит отражение в учебной литературе, публикациях, педагогических периодических изданиях, монографиях: А.Г. Ободовский, С.П. Шевырев, Н.И. Енгальчев, А.А. Ширинский-Шихматов, И.И. Давыдов, архиепископ Евсевий (Орлинский) – поднимают вопрос о необходимости возврата к религиозно-национальному воспитанию в духе допетровской педагогики [9, с. 267–273].

В это же время оформляется религиозно-философское движение славянофилов (И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, и др.), оспаривающее секулярно-гуманистический взгляд на исторические процессы и на решение онтологических проблем. Главную цель нравственного становления личности они видят в «возвышении духовного», а наиболее серьезной проблемой отечественного воспитания называют господство западноевропейских идей, угрожающих единству семьи и народа.

Приверженцами развития духовно и нравственно-ориентированного общества стали также представители культуры, литературы, науки: И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, В.И. Даль, М.И. Глинка, Н.В. Гоголь, М.П. Мусоргский, Д.И. Менделеев, Ф.И. Тютчев и др. В дальнейшем их идеи стали основой для «провиденциалистского» [3] философско-педагогического течения, базирующегося на христианской антропологии.

В эпоху правления Александра II (с 1855 г.) аутентичная научно-педагогическая мысль более активно заявляет о себе. Необходимо отметить значительные перемены в сфере российской педагогической науки, характерные для третьей четверти XIX в.: наряду с сочинениями европейских мыслителей Локка, Руссо, Канта, Гербарта и др., появляются издания отечественных ученых в области педагогики (в 1873 г. в Императорской публичной библиотеке на 1 часть запрашиваемой иностранной литературы приходится 2 русской) [12, с. 62]; выходят педагогические периодические издания «Русский педагогический Вестник», «Журнал для воспитания», «Народная школа», «Семья и школа», «Воспитание и обучении», «Женское образование» и пр. В научных сборниках множатся статьи педагогической направленности.

Ажиотаж в педагогике произвела вышедшая в 1856 г. статья «Вопросы жизни» всесторонне образованного мыслителя Н.И. Пирогова. Став причиной горячих дискуссий в академическом обществе, она пробудила спавшую «до тех пор педагогическую мысль» [20, с. 160]. В своей публикации ученый подчеркивает первостепенную роль выработки духовных качеств человека и определяет их как главную цель воспитания. Что касается специализации, формирования профессиональных умений и навыков, то Пирогов отводит им второе по

значимости место, говоря: «Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку» [14, с. 47]. Задавая ряд онтологических вопросов: в чем цель жизни? каково предназначение человека? к чему мы призваны? [14, с. 34] – Пирогов подводит читателя к пониманию, что ответ на них дает христианское вероучение: «главной основой нашего воспитания служит и должно служить Откровение» [14, с. 51]. Именно христианство предлагает вечный и безупречный воспитательный Идеал, на котором исторические драмы и потрясения не смогли оставить «ни единого пятна» [13, с. 142]. Умозаключения известного хирурга и педагога были высоко оценены П.Ф. Каптеревым: «Его можно сравнить с Вифлеемской звездой, показавшей путь волхвам к истине – Христу» [10, с. 28–29].

Выводы Пирогова стали источником вдохновения и для К.Д. Ушинского: он пишет ряд статей на тему предназначения человека и разрабатывает философско-педагогическую концепцию, структурированную согласно святоотеческим представлениям о трехчастном строении человека (тело – душа – дух). Назвав свой труд «Педагогическая антропология», мыслитель посвящает первый ее том вопросам физиологии, второй – чувствам, третий – воле человека. Христианская антропология стала источником теории культуросообразного воспитания, выдвинутой Ушинским, в основе которой лежит национальная идея, основанная на христианских ценностях [22, с. 254–255]. Заимствуя все лучшее, что предлагает европейская школа [22, с. 447], по мнению педагога, необходимо строить свою, национальную педагогику на всеобщих научных основаниях, не отрываясь от «русской почвы». Педагог подверг резкой критике традицию ангажирования иностранных учителей и воспитателей. В письме к императрице Марии Александровне, обратившейся к нему за советом об образовании цесаревича, Ушинский назвал вековой обычай наема западных наставников «презрением к народности» [1, с. 579].

Развивая идею народности в общественном воспитании, мыслитель называет тот Идеал, который стоит над любыми народностями – «вечные истины христианства». Рассматривая нравственный аспект русского народного воспитания, Ушинский подчеркивает важность принципа церковности: «Дело народного воспитания должно быть освящено Церковью» [23, с. 453]. Педагогику вне христианства он называет «вещью немислимой», «безголовым уродом», «бесцельной деятельностью, лишенной мотивации и результатов» [21, с. 452].

Важно отметить, что перед тем, как заложить основы научной педагогики, Ушинский ознакомился не только с западноевропейскими педагогическими трудами, но и изучил концепции о человеке и воспитании отцов и учителей Православной церкви. Мировоззренческой основой его трудов стали Священное Писание, Предание и святоотеческое учение, из которых он черпал педагогические идеи о духовно-нравственном становлении личности. Православную веру и культуру, благотворно воздействующих на душу ребенка посредством богослужений и традиций, Ушинский называл лучшими воспитателями [20, с. 122].

Неотъемлемым средством духовно-нравственного воспитания Ушинский называл труд, однако подчеркивал, что важно отличать благотворный труд, служащий пищей для человеческой души, от «меркантильных хлопот», опустошающих человека и крадущих у него бесценное время жизни. Школу, готовящую ребенка лишь к материальной жизни, педагог оценивает как «не выполняющую своего назначения» [20, с. 335], но, напротив, «на первых же шагах сбивающую его с настоящей дороги» [22, с. 139]. Наблюдая за укладом жизни в некоторых дворянских семьях, Константин Дмитриевич с горечью отмечает утилитаризм домашнего образования: воспитание как таковое отсутствует вовсе, уступив место ранней, «чуть не с колыбели», профориентации [20, с. 337], при этом главная цель воспитания – научить ребенка «служить идее христианства, ... хотя бы это стоило... самой жизни» [20, с. 335] – не преследуется вовсе.

Критикуя нравы высшего общества своего времени, Ушинский замечает, что «масса образованных людей увеличилась во сто раз, а общественная нравственность не поднялась, если еще не понизилась» [1, с. 584] и видит причину духовного кризиса XIX в. в отсутствии системы общественных убеждений. Общество, состоящее из профессионалов высшего класса,

но лишенное твердых национальных убеждений, является зыбким, подобно болоту, неустойчивым и неуправляемым [1, с. 588].

Одновременно с Ушинским тему духовно-нравственного воспитания поднимают также П.Д. Юркевич и С.С. Гогоцкий. В основу педагогической системы Юркевича легло учение о сердце как важном вместилище всего доброго и злого в человеке, или «кордоцентризм». Приоритетной задачей родителей и учителей, по мнению философа, является работа над очищением сердца воспитанника (и воспитателя) от греховной порчи, которая, согласно святоотеческому учению, поразила первозданную человеческую природу. Значимую роль в очищении сердца дитя, особенно в самые ранние годы, педагог отводит матери, которая должна научить ребенка отличать добро и зло, знать свои дурные наклонности и пресекать нечистые движения сердца. Кроме семьи, к важнейшим средам воспитания Юркевич относит общество, государство и Церковь, подчеркивая важность согласованности их действий для наиболее благоприятных педагогических условий [24, с. 244]. Вместе с Пироговым и Ушинским главной задачей образования Юркевич называет «развитии зачатков веры в ребенке ранее других зачатков образования» [24, с. 208]. Этим утверждение согласуется и с идеями Гогоцкого, настаивающем на недопустимости заниматься умственным воспитанием в отрыве от нравственного [7, с. 542].

В педагогических исследованиях Гогоцкого также прослеживается четкая духовная доминанта. Так, идеи для науки воспитания философ призывает черпать из неиссякаемого источника Богооткровения [7, с. 525], там же стоит, по его мнению, искать и педагогический Идеал [7, с. 540], а в воспитательной деятельности придерживаться национальных традиций, дающих крепкую «нравственную почву» [7, с. 541]. Гогоцкий не соглашается с Ж.-Ж. Руссо о том, что успех воспитания ограничивается созданием природных условий для взросления ребенка. Он отводит значимую роль родительскому воздействию на все стороны личности ребенка, в особенности считает их ответственными за приучение питомца к рефлексии и самосовершенствованию. Мощный педагогический потенциал Гогоцкий усматривает в евангельских притчах, фольклорных произведениях, сказках и баснях, которые своей яркой и доступной формой легко и благотворно воздействуют на душу ребенка [7, с. 532, 541].

Однако труды упомянутых педагогов и философов провиденциалистского течения, равно как и высочайшие рескрипты, не в состоянии были в краткие сроки изменить образовательную реальность ввиду ее определенной инерционности. Западная мысль еще долго доминировала в сфере отечественного просвещения. Русским религиозным мыслителям, рассматривающим человека как «образ Божий», противостояли «западники», сторонники развития отечественной педагогической науки по образцам, отработанным в Западной Европе: В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, М.А. Бакунин и др., оппонировавшие славянофилам и выступающими за реформирование отечественной системы образования по образцам западного Просвещения. Как отмечает В.В. Розанов, к середине века отечественная педагогика разделилась на левое и правое крыло, при этом «левое... отшатнулось от всего духовного» [17, с. 268].

В поисках оптимальной системы образования для своих детей императрица Мария Александровна обращалась за советом к ведущим мыслителям того времени. Мнения, полученные ею, зачастую расходились. Одним из тех, кто откликнулся на просьбу императрицы, был министр иностранных дел князь А.М. Горчаков. Он составил «Инструкцию» [18, с. 11] о воспитании цесаревича, в которой подчеркивал важность соединения «русского сердца» с «европейским умом». В противовес идеям западного гуманизма, проповедуемым Горчаковым, академик М.П. Погодин ратовал за воспитание русской элиты исключительно в «национальном духе» [18, с. 114–117]. Он резко критиковал атмосферу при дворе, где, по его словам, царили «притворство и раболепие». Погодин опасался, что в условиях замкнутого великокняжеского образования будущий монарх навсегда утратит связь с простым народом.

Императрица Мария Александровна также обратилась за советом к К.Д. Ушинскому. Константин Дмитриевич изложил свои рекомендации в «Письмах о воспитании наследника

русского престола». Педагог подчеркивал особую важность и сложность воспитания будущего царя, сравнивая его с важнейшими государственными решениями, от которых зависит судьба всей страны» [1, с. 573]. В «Письмах» Ушинский формулирует ключевые принципы воспитания будущего государя: 1) приоритет духовного развития; 2) воспитание в национальном духе; 3) верность русской идее. Педагог критикует слепое копирование западных педагогических систем. Он считает, что каждый народ должен разрабатывать свою собственную систему воспитания, основанную на своих уникальных ценностях [1, с. 122]. Ушинский ставит нравственное воспитание во главу угла и настаивает, что именно нравственные качества, а не знания, определяют личность будущего правителя: «О дай Боже, чтобы ни одно дурное семя не попало даже как-нибудь нечаянно в эту юную душу, которой суждено быть душой 60 миллионов русского народа!» [1, с. 573].

По мнению Ушинского, в 16 лет начинается формирование убеждений человека: «почва уже готова, весна началась, и нужно лишь посеять семена» [1, с. 577], – говорит он. При этом мыслитель подчеркивает важность свободы нравственного самоопределения. Воспитатель должен направлять, но ни в коем случае не навязывать убеждения, напоминая, что свобода выбора является важным и священным принципом христианского воспитания. Педагогический такт предполагает не посягательство на свободу души взрослеющего человека, а лишь «освещение и освящение» его дальнейшего пути развития.

В «Письмах» также встречаем резкую критику педагогом приглашения иностранных учителей для детей из дворянских семей [1, с. 579]. Педагог возмущен, что наставником цесаревича назначен немец, не знающий ни русского языка, ни русской культуры и не понимающий духовных потребностей русского человека.

Духовно-нравственное воспитание отражается и в контексте государственных преобразований того времени. Высочайший рескрипт от 3 мая 1866 г. акцентирует внимание на первостепенной роли воспитания подрастающих поколений. В нем говорится, что «Преподавание... не принесло бы всей ожидаемой от него пользы, если бы в частной семейной жизни проводились учения, несогласные с правилами христианского благочестия и с верноподданническими обязанностями» [9, с. 405]. Новый устав гимназий, отменивший сословные ограничения, провозглашает задачей воспитание «человека». В нем также поднимается вопрос об отмене телесных наказаний, что вызывает резкую критику со стороны западных ученых, которые по-прежнему считают, что «без побоев... обойтись никак невозможно» [9, с. 377–378]. В целом, главной целью образования провозглашается «совершенствование во всех отношениях» через постижение основ христианского учения. Задачами же образования ставятся воспитание в духе служения Создателю, утешения родителям и пользы Церкви и Отечеству [15].

Освобождение крестьян в 1861 г. стало поворотным моментом в истории России, повлияв на все сферы жизни общества. Крестьяне получили статус граждан, что обусловило необходимость развития системы народного образования. Каптерев назвал отмену крепостного права «истинно христианским делом» [9, с. 294], подчеркнув ценность каждой личности и соборное единство русского народа. Это стало основой для разработки универсальной системы воспитания, не зависящей от сословной принадлежности. Наряду с сочинениями в ветхозаветно-домостроевском духе Н.А. Миллер-Красовского и Е. Дыммана, появляются труды гуманистической направленности: В.Ф. Владиславлева, стоявшего на позициях христианской педагогики без рукоприкладств, П.Г. Редкина, ратовавшего за симбиоз науки и религии в деле воспитания.

Итак, в середине XIX в. в России под влиянием отечественных мыслителей в области педагогики, философии и литературы происходит трансформация ценностных приоритетов, осознается необходимость возрождения духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения на основе традиционной православной культуры. Это становится толчком к зарождению русской научно-педагогической мысли. Однако в дворянской среде по-прежнему сильны заимствования педагогических методов, программ и кадров из Европы, что сохраняет влияние западных гуманистических идей. В обществе возникает противоречие: с одной

стороны, происходит возрождение традиционных ценностей, поддерживаемое монархами и народом, с другой – аристократическая прослойка отвергает традиции, заражаясь атеизмом и нигилизмом.

В целом, показателями ценностных ориентиров общества на данном этапе являются:

– Православие становится официальной государственной идеологией.

– Патриотизм, семья, гражданственность и вера в духовные силы человека провозглашаются приоритетными ценностями.

– Христианские духовно-нравственные идеалы возвращаются в систему образования.

– Семья снова играет важную роль в духовно-нравственном воспитании.

Таким образом, зарождение отечественной педагогической науки происходило в условиях противостояния двух цивилизаций – европейской и русской. Это противостояние напрямую влияло на формирование системы духовно-нравственного воспитания. Несмотря на рост популярности национально-ориентированного воспитания, доминирующую роль среди педагогов того периода все еще играли иностранцы, что вызывало резкую критику со стороны К.Д. Ушинского, основоположника русской педагогики.

В активизации патриотических чувств русского народа и возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям во второй-третьей четверти XIX в. можно обнаружить черты и потребности нашего, сегодняшнего социума. Оно также столкнулось с вызовом противостояния двух парадигм: западно-либеральной и русской традиционной.

Перспективы дальнейших исследований видим в анализе исторических тенденций в духовно-нравственном воспитании подрастающих поколений в последние десятилетия существования монархической России с целью выявления педагогических просчетов, повлекших за собой кризис российского общества.

Литература

1. Архив К.Д. Ушинского: в 4 т. Т. 4 / сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 721 с.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды Михаила Петровича Погодина: в 22 т. Т. 14. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 341 с.
3. Бим-Бад Б.М. Педагогические течения в начале двадцатого века. – М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1994. – 112 с.
4. Боханов А.Н. Император Николай I. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 499 с.
5. Высочайший Манифест Государя Императора Николая Павловича «О государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям» [Электронный ресурс] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 1. СПб., 1825–1826. С. 753– 760. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/262-t-1-s-12-dekabrya-1825-po-1827-s-1-do-799-1830>
6. Высочайший рескрипт на имя Министра народного просвещения 19 августа 1827 г. [Электронный ресурс] // ПСЗРИ. Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 2: Царствование Императора Николая I. 1825–1855. Отд. 1.: 1825–1839. – СПб.: Тип. Балашева, 1875. – С. 71–73. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8580-t-2-tsarstvovanie-imperatora-nikolaya-i-1825-1855-god-otdelenie-1-e-1825-1839-god-1875>.
7. Гогоцкий С.С.: издание в 3 т. Т. 2: Педагогика / Предисл. и послесл. В.И. Ильченко, В.Д. Исаев. – Луганск: Элтон-2, 2010. – 644 с.
8. Император Николай Павлович. 1850. Записка графини А.Д. Блудовой / Сост., вступит. ст. и примеч. Б. Тарасов // Николай Первый и его время: в 2 т. Т. 2. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 892 с.
9. Каптерев П.Ф. История русской педагогики / предисл. Н.Н. Бордовской; послесл. В.П. Борисенкова. – СПб.: Алтейя, 2004. – 560 с. – Петроградъ: тип. Безобразовъ, 1915. – 746 с.

10. Каптерев П.Ф. Н.И. Пирогов как педагог-гуманист // Современное значение педагогических идей Н.И. Пирогова. – СПб.: Изд-е Общ-ва экспериментальной педагогики, 1911. – 55 с.
11. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры XVIII нач. XIX в.: в 5 т., Т. 4. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 13–349.
12. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1873 год [Электронный ресурс]. – СПб.: тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1875. – 124 с. – Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000016034/view/#page=>
13. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / сост. А.Д. Тюриков. – Иваново: ИПК «ПресСто», 2008. – 427 с.
14. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения / сост. А.Н. Алексюк, Г.Г. Савенок. – М.: Педагогика, 1985. – 493 с.
15. Правила для учеников гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения (1874) [Электронный ресурс] / Под ред. С.А. Каменева, сост. Н.А. Желваков. – М.:, 1936. – Режим доступа: https://spbarchives.ru/spb_education_4#gallery-1
16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 / А.С. Пушкин. – М.: Изд. АН СССР, 1962. – 571 с.
17. Розанов В.В. Сумерки Просвещения / В.В. Розанов. – М.: Педагогика, 1990. – 624 с.
18. Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2016. – 311 с.
19. Уваров С.С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. – М., 1997. – № 26. – С. 96–100.
20. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1 / ред. В.Я. Струминский. – М.: ГУПИ, 1954. – 733 с.
21. Ушинский К.Д. Материалы по третьему тому педагогической антропологии / К.Д. Ушинский; сост. и подгот. к печати В.Я. Струминский // Собрание сочинений: в 11 т. Т. 10. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 668 с.
22. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 1 / сост. С.Ф. Егоров. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1988. – 416 с.
23. Ушинский К.Д. Педагогические статьи / под ред. А.М. Еголина // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. – 656 с.
24. Юркевич П. Чтения о воспитании. – М.: Изд. Н. Чепелевского, 1865. – 273 с.